

рее, которые отменяют ряд ограничений для частных инвесторов.

Предлагаемый рецепт лечения хронических недугов южнокорейской экономики не блещет оригинальностью: петля иностранного засилья, в первую очередь американского, затянется еще туже. Кстати сказать, его составители сами расписываются в своем бессилии. По их собственным прогнозам, к концу пятилетки, в 1966 году, останется 1,4 миллиона безработных, а дефицит платежного баланса составит около 187 миллионов долларов.

Военная хунта вынуждена была принять меры, дабы создать видимость, что она печется о благе народа.

25 мая 1961 года, то есть спустя девять дней после переворота, был издан декрет, согласно которому крестьяне временно освобождались от выплаты ростовщических ссуд (20 процентов годовых и выше). Несколько позже военное «правительство» выпустило закон о поддержании сельскохозяйственных цен: оно обещало закупать в случае крайней необходимости сельскохозяйственную продукцию, чтобы не допустить падения цен ниже уровня издержек производства. Наконец, военное «правительство» предусмотрело особые ссуды фермерам, выдаваемые под залог будущего урожая, чтобы воспрепятствовать продаже урожая на корню.

Разумеется, эти куцые мероприятия хунты не устраняли бедствий южнокорейской деревни. Это, безусловно, был маневр, рассчитанный на то, чтобы

ослабить недовольство в деревне, где накопилось более чем достаточно горючего материала.

В тех же демагогических целях хунта всемерно афиширует лозунг «борьбы против коррупции». В августе 1961 года Высший совет национальной реконструкции взял под свой контроль 89 крупных предприятий, владельцы которых обвинялись в том, что они «нажили состояние незаконным путем». Под контроль ВСНР попали и все пять частных банков Южной Кореи. Хунта устроила даже показательные судебные процессы.

Однако общеизвестно, что самыми большими ворами в Южной Корее являются милитаристы. Далеко не полный перечень совершенных ими преступлений показывает чудовищные размеры их алчности. Приведем лишь несколько примеров. В 1960 году около двух тысяч южнокорейских офицеров были осуждены за продажу на черном рынке военного обмундирования, автомобильных частей, бензина на сумму в 500 тысяч долларов. В начале октября 1961 года были разоблачены крупные хищения, совершенные командным составом расквартированных в провинции Чолла-Пукдо войск. Распроданное с военных складов имущество оценено в полмиллиона долларов.

Итак, воры стали судить воров. К чему это привело? Учрежденная хунтой «комиссия по расследованию незаконно накопленных богатств» была в

(Окончание см. на стр. 20)

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК МАРИОНЕТОК

ОБЗОР ЯПОНСКОЙ ПРЕССЫ

События, развернувшиеся в Южной Корее, привлекают к себе внимание японской прессы. Интерес к ним японской общественности вполне понятен: Корея близко расположена к Японским островам, кроме того, по планам США, Японии отводится особая роль в разрешении политических и экономических трудностей, которые переживает южнокорейский режим военной диктатуры. Положению в Южной Корее посвящена серия статей, опубликованных в японском буржуазном общественно-политическом журнале «Сэкай» за второе полугодие 1961 года.

Интересна статья обозревателя агентства Киодо цусин Фудзисима Удаи «Переворот в Южной Корее и обстановка, в которой он был совершен», помещенная в июльском номере журнала. Фудзисима подчеркивает сугубо антинародный характер переворота, совершенного военной хунтой в мае 1961 года. Он пишет: «Что за люди пришли к власти на смену правительству Чан Мена и

установили в стране диктатуру военно-фашистских кругов! Кто такие Чан До Ён, Пак Чжон Хи и их сподвижники, руками которых осуществлялся заговор! Оказывается, за каждым из них стоит тень Ли Сын Мана и вся эта чехарда со сменой Чанов и Пакков — не более как стремление сохранить порядки, господствовавшие при Ли Сын Мане...

Генерал-майор Пак Чжон Хи в годы японской агрессии в Маньчжурии обучался в маньчжурской офицерской школе. Перед самым концом второй мировой войны он закончил офицерское училище в Японии, а уже после войны — военную школу в Южной Корее. Во время корейской войны Пак Чжон Хи занимал пост заместителя начальника оперативного управления генерального штаба, а в период «апрельской революции» — пост начальника управления. Тогда-то усилили начальника генштаба генерал-лейтенанта Цоя он и был переведен на должность заместителя командующего второй армией...

Характеризуя военно-фашистскую клику, Фудзисима отмечает, что среди высшего командного состава южнокорейской армии много выходцев с Севера.

«Как принято говорить в Японии, — пишет автор, — все они люди «военного поколения»... К моменту освобождения им [в основном это были сынки помещиков] было всего по 22—23 года и они пользовались достаточным влиянием. Но вот в Северной Корее была проведена радикальная земельная реформа, и недовольные ею помещики бросились на Юг. Там их с распростертыми объятиями встретили Ли Сын Ман и американская армия; многие из них вскоре оказались во главе различных общественных организаций. Вряд ли можно встретить среди населения Южной Кореи людей, с такой ненавистью относящихся к Северу. Их ненависть к Северной Корее аналогична той, которую питают к режиму Кастро эмигранты, бежавшие с Кубы...»

Итак, сынки помещиков, бежавшие с Севера и радушно встреченные в Сеуле американцами и их марионеткой Ли Сын Маном, — вот кто стоит во главе

Безработные на улицах Сеула.

южнокорейского марионеточного режима. Фудзисима предупреждает, что в своей звериной ненависти к корейскому народу и его завоеваниям эти люди готовы на все. Но, отмечает он, в наше время существует множество факторов, могущих помешать им. Это прежде всего сама южнокорейская армия, которая пассивно отнеслась к перевороту. Лишь после того как США заявили о своей поддержке военной хунты, некоторые части открыто стали на сторону нового правительства. Отсутствие боевого духа, моральная подавленность характеризуют в настоящее время южнокорейскую армию, которую намерен использовать в своих интересах военно-фашистский режим. За период с 19 апреля 1960 года по 1 января 1961 года, отмечается в статье, из южнокорейских войск дезертировало 50 тысяч человек. Между солдатами, среди которых много выходцев из беднейших слоев народа, и бежавшими из Северной Кореи генералами лежит непроходимая пропасть. Естественно, что рассчитывать на такую армию трудно, поэтому военная хунта старается опираться на поддержку извне.

Касаясь в заключение основных вопросов, стоящих перед Южной Кореей, японский обозреватель пишет: «Сейчас для корейцев жизненно важная проблема — мирное объединение Севера и Юга, поэтому правительство, которое отвергнет конкретный план объединения страны, не будет пользоваться доверием народа».

Эта мысль служит лейтмотивом и ряда других статей, помещенных в журнале «Сэкай». В этой связи обращает на себя внимание статья Номура Коити «Две Кореи и японцы», напечатанная в сентябрьском номере журнала. Стремление подавить самыми «варварскими методами» волю южнокорейского населения к объединению родины — вот что, по мнению Номура, вызвало фашистский переворот на Юге Кореи.

Большое значение в распространении на Юге страны идеи мирного объединения родины имели экономические успехи, достигнутые Северной Кореей, а также предложение последней об экономической помощи Югу. Известно, что одной из причин выступления жителей Южной Ко-

реи в апреле 1960 года было исключительно тяжелое экономическое положение страны. «Одним из призывов, приведших в движение массы во время апрельской революции, — пишет по этому поводу Номура, — было широко распространенное требование: «Нам нечего есть, нужно покончить с этим».

В таких условиях, подчеркивает японский автор, если бы план экономической помощи Югу был реализован, положение южнокорейского населения могло резко улучшиться.

Но такое решение вопроса не устраивало правящие круги Южной Кореи и их хозяев. Видя, что идея национальной независимости все больше завоевывает симпатии народа, потрясая основы южнокорейского политического режима, они пошли на установление в стране военно-фашистской диктатуры.

Итак, нынешний курс военной хунты, заключает японский обозреватель, ведет к дальнейшему углублению раскола страны и усилению зависимости от американского империализма, планирующего создать в северо-восточной Азии новый военный блок.